

Феликс Кляйн-Франке

АЛЬ-КИНДИ

Абу Юсуф Йа'куб Ибн Исхак аль-Кинди¹ известен как первый мусульманский философ. Это не означает, однако, что до аль-Кинди мусульмане не были знакомы с греческими философскими идеями. Наоборот, некоторые знания о философии, хотя и обрывочные, можно отнести к раннему периоду школы му'тазила (мутазилитский калам). Некоторые из его ярких представителей – Абу-л-Хузайль аль-Алляф² и ан-Наззам³ – разработали теологию, основанную на определенных греческих философских элементах мироздания. Так, теолог Абу-л-Хасан аль-Аш'ари⁴ упоминал труды Аристотеля в качестве источника некоторых доктрин Абу-л-Хузайля⁵, а аль-Багдади⁶ упрекает ан-Наззема в заимствовании у греческих философов идеи бесконечно делимой материи⁷. Влияние греческой философии на ранний период мутазилитского калама, очевидно, и было зафиксировано ранними мусульманскими теологами и учеными-еретиками. Но это влияние было довольно незначительным, поскольку ни один из мутазилитских теологов не разрабатывал досконально энциклопедическую систему греческой философии, так как это не входило в сферу их интересов. Именно аль-Кинди поставил перед собой эту задачу, и поэтому он вправе называться первым мусульманским философом, тогда как представители мутазилитского калама были теологами, но не философами. Данный факт ставит аль-Кинди в некоторую оппозицию по отношению к представителям му'тазила, с которыми его не следует отождествлять⁸.

Ибн ан-Надим⁹ зарегистрировал обширную библиографию работ аль-Кинди – всего около 260 работ. Согласно классификации Ибн ан-Надима, трактаты аль-Кинди охватывают всю античную энциклопедию наук: философию, логику, арифметику, сферику, музыку, астрономию, геометрию, космологию, медицину, астрологию и т.д. Библиографический перечень Ибн ан-Надима говорит о склонности аль-Кинди к естествознанию. До сих пор вышли в свет и были опубликованы лишь несколько его рукописей, что составляет примерно около 10% всего его литературного наследия. По всей видимости, подавляющее большинство его рукописей было потеряно. Поэтому не удивительно, что последующие мусульманские философы редко цитировали философские трактаты аль-Кинди. Оба эти факта – утеря большинства рукописей и отсутствие ссылок на его работы более поздними авторами – требуют объяснения. Часть

книг могла быть утеряна еще во время правления халифа аль-Мутаваккиля¹⁰, известного как страстного борца с рационализаторскими тенденциями своей эпохи, который временно конфисковал библиотеку аль-Кинди. Известный историк восьмого/четырнадцатого веков Ибн Халдун¹¹ также подтверждает факт утери рукописей. Он пишет: «Мы не нашли никаких сведений о книге аль-Кинди (называемой аль-Джафр), мы также не нашли никого, кто видел ее. Возможно, она пропала вместе с книгами, которые Хулагу, правитель татар, бросил в Тигр, когда татары захватили Багдад и убили последнего халифа, аль-Муста'сима»¹². Произведения аль-Кинди считаются сложными для восприятия из-за неразборчивости его языка, возникшей вследствие отсутствия философской терминологии в арабском языке. В результате его работы были вытеснены философскими произведениями аль-Фараби. В письменных свидетельствах Абу Сулаймана ас-Сиджистани аль-Мантики¹³ зафиксирован факт критики, высказанной правителем Сиджистана Джафаром Ибн Бабуя в адрес аль-Кинди в связи со сложным языком изложения¹⁴.

Тем не менее, именно аль-Кинди принадлежит заслуга обращения к греческой философии и наукам, а также заслуга формирования на базе редких и неизвестных источников основы философии в исламе, работы, которую впоследствии продолжил и расширил аль-Фараби¹⁵.

Аль-Кинди пользовался доверием и поддержкой седьмого и восьмого аббасидских халифов, аль-Ма'муна¹⁶ и его брата и преемника. Аль-Мута'симу¹⁷ он посвятил свою работу «О первой философии». Некоторые произведения были посвящены сыну халифа Ахмаду, чье обучение халиф доверил аль-Кинди. В отличие от своего современника Хунайна Ибн Исхака¹⁸ аль-Кинди

не знал ни греческого, ни сирийского языков. Ему приходилось заказывать либо заимствовать переводы, например, сделанные Ибн На'имой, Евстатиусом (Астатом) и Ибн аль-Битриком¹⁹. Переводы, заказанные или заимствованные аль-Кинди, были далеки от филологических стандартов, введенных позднее Нунайном Ибн Исхаком. Однако именно аль-Кинди заложил семена в благодатную почву и познакомил арабский мир с первыми переводами греческой философии. Больше всего его интересовали переводы работ Платона и Аристотеля, обоих философов он упоминал по имени. Но под прикрытием имен Платона и Аристотеля стали известны другие псевдоавторские работы, например, пересказ Порфирием части «Эннеад» Плотинуса, известной как «Теология» Аристотеля. У аль-Кинди, однако, была способность распознавать истинные работы Аристотеля. По свидетельству Ибн ан-Надима, он заказал перевод «Метафизики» Аристотеля, составил комментарии на некоторые работы Аристотеля по логике, такие как «Категории», «Об истолковании», «Аналитики – Первая и Вторая», а также оставил комментарии на работу «О небе». Аль-Кинди удалось даже изучить утерянный диалог Аристотеля «Эвдем», фрагмент которого он пересказал²⁰.

Аль-Кинди хотелось познакомить своих арабговорящих соплеменников (ахл лисанина, как он любил подчеркивать²¹) с греческой философией и наукой, выступая при этом против ортодоксальных богословов (мутакаллимун), отвергающих незнакомые им иностранные знания²². Это ему удавалось до тех пор, пока он пользовался благосклонностью халифа. В отличие от многих последующих ученых, оказавшихся под давлением ортодоксальных законников, ему не приходилось отстаивать свою фило-

софскую позицию. Пока аль-Кинди оставался верным догматам, которых придерживались поздние греческие неоплатоники, в основном христианской веры, верящие в Единого Бога, который создал мир из небытия, он был в явной гармонии с религиозными традициями ислама. Но как только он обратился к языческим философским учениям, особенно к доктринам Аристотеля, он стал откровенно отклоняться от исламских истин. Его теория, представленная в поддержку Аристотеля, о том, что человек должен с благодарностью принимать любой вклад в обретение истины, откуда бы он ни исходил, пусть даже и из греческой философии²³ – несовместима с исключительным постулатом ислама как единственного проводника истины.

Собственные философские взгляды аль-Кинди основываются на учениях, обнаруженных им в классических греческих и, прежде всего, неоплатонических источниках. Его трактат «Об определениях и описаниях вещей»²⁴ можно рассматривать в целом как основной источник его собственных взглядов. Аль-Кинди, предположительно, выделял определения из греческой литературы, чтобы затем представить краткое изложение греческой философии в определениях. Как было сказано выше²⁵, многие из этих определений являются литературными заимствованиями у Аристотеля. Нельзя не упомянуть о тщательности, с которой аль-Кинди выделял определения из работ Аристотеля и его расположения к нему, даже когда он цитировал ложные источники, приписываемые в то время Аристотелю. Предметы и их классификация соответствуют неоплатоническому источнику. Бог рассматривается в первом определении как «Первопричина», что соответствует «первородной силе» Плотинуса, вы-

ражения, которое аль-Кинди также использовал²⁶, или определению «Тот, кто является первой причиной, у которой нет причины»²⁷. Более поздние определения в трактате аль-Кинди расположены в порядке, позволяющем различать верхний и нижний мир. Нижний мир отмечен определениями Разума, Сущности и Души, за которыми следуют определения Тела (джирм), Совторения (ибда), Материи (хайула), Формы (сура) и т.д. Аль-Кинди различал верхний мир вечных духовных созданий и нижний мир, состоящий из сотворенных телесных созданий. Душа является вечным духовным созданием, в то время как Материя, Время и Место являются конечными, сотворенными и телесными субстанциями. Сотворение (ибда) в этом мусульманском контексте является Сотворением из небытия во времени²⁸. Оба мира, верхний и нижний, возвращаются в конечном итоге к одному и тому же источнику, который является общей первопричиной всего сущего. От этого конечного источника, являющегося божественной природой, все сущее впоследствии продолжается в ипостаси.

В своем трактате «Об определениях и описаниях вещей» аль-Кинди объясняет существование мира исхождением (эманацией). Эта система была в дальнейшем принята и получила дальнейшее развитие у аль-Фараби²⁹. Ортодоксальные представители мусульман были, однако, возмущены попыткой объяснить процесс творения непрерывным потоком, исходящим из первоисточника, поскольку этот аргумент не мог быть подтвержден священным свидетельством. Их особенно оскорбил факт восхваления Разума как первой ипостаси Бога. Возникшая из Наивысшей Причины все сущее проходит через и развивается из отражения первого разума. Таким образом, разум заменял ангелов как

посредников божественной истины. Аль-Фараби смягчил доктрину о происхождении, приравняв разум к ангелу Джабраилу и истолковав пророчество как результат способности Души к воображению. Тем не менее, теория происхождения не могла объяснить божественный акт сотворения способом, приемлемым для общества ортодоксальных верующих. «Да будет известно, – сказал Ибн Халдун, – что мнение, которого придерживаются философы, неверно во всех его аспектах. Они приписывают все сущее исходному разуму и довольствуются этим (теорией исходного разума) на пути постижения Необходимого (Бога). Это означает, что они игнорируют все степени божественного сотворения далее исходного разума»³⁰.

Аль-Кинди не собирался объяснять «путь постижения Необходимого», т.е. путь постижения божественного познания, путем постижения разума. Напротив, в завершении своего трактата «О первой философии» он четко прояснил, что Бога нельзя познать разумом³¹. Согласно аль-Кинди, философ не в состоянии дать ни одного положительного утверждения в отношении Бога. Все, что он может утверждать – лишь в отрицании: так, он не элемент, не род, не вид, не физическое лицо, не часть (чего-то), не свойство, не случайность»³². Таким образом, философия аль-Кинди ведет к негативной теологии, когда Бог описывается лишь отрицательными терминами. В этом он повторяет Платина³³, который учил: «Мы утверждаем то, чего нет; то, что существует, мы не утверждаем»³⁴. Если разум неспособен помочь людям познать Бога положительными терминами, философия ничем не превосходит теологию. Говоря словами Ибн Халдуна³⁵, «на своем пути к познанию Необходимого» философия достигает разума, но не «переходит его».

Что же находится «выше разума»? Для правоверного мусульманина это мир ангелов. Они являются посланниками Бога и посредниками между людьми и Богом. По мнению правоверного мусульманина, именно ангел Джабраиль, а не разум, как считают философы, передал Пророку божественное откровение. Ангельская сущность является, по сути, чистым восприятием и абсолютным познанием»³⁶. Аль-Кинди не упоминает об ангелах. Согласно его учению, разум непосредственно приближен к Богу.

Самым объемным из трудов аль-Кинди, дошедших до нас, является его трактат «О первой философии» (сохранилась лишь первая часть этого произведения). Это другое название метафизики. Аристотель называл метафизику «первой философией»³⁷. Аль-Кинди, употребив это название, объяснил его значение следующим образом:

Наука о первой причине справедливо была названа «первой философией», ибо прочая философия скрыто содержится в знании этой первой причины, и эта причина первая и по благородству, и по роду, и по порядку (ибо она известна самым достоверным образом), и по времени (ибо она причина самого времени)³⁸.

Первую причину, таким образом, можно познать, и именно разум способен передать ее «наиболее достоверным способом». Целью написания этого трактата было нахождение «доказательств божественности и объяснения единственности Всевышнего», как заявляет аль-Кинди в своем вступлении³⁹. Несмотря на разумную достоверность, которой можно постичь Бога, аль-Кинди в конце своего трактата допускает, что разум способен описать Бога лишь отрицательными терминами.

Факт единственности божественного являлся ключевым моментом док-

трины му'тазилизма, их даже называли «людьми, для которых признание единственности божественного стало основой их мировоззрения» (ахль аль-таухид). Исходя из подтверждений основных мыслей му'тазилизма в философских работах аль-Кинди, например единственности божественности, его считали «философом мутазилитской теологии»⁴⁰. Однако дальнейшие исследования показали, что утверждение безусловной связи аль-Кинди с мутазилистами не находит подтверждения. В ходе последующего изучения были выявлены существенные философские различия во взглядах аль-Кинди и мутазилитов, не считая некоторых случайных сходств⁴¹. Одним из пунктов несовпадения является структура материи. Большинство мутазилитов считали, что материя состоит из мелких неделимых частиц, то есть атомов. Они пришли к этому выводу исходя из предположения, что все созданное имеет свои пространственные и временные пределы. Вследствие этого они пришли к заключению, что делимость материи также конечна. Так возникло предположение о существовании атомов. Однако аль-Кинди отрицал существование атомистической структуры материи, этот вопрос он тщательно разработал в своем трактате «Об ошибочности утверждения того, кто считает, что существующее тело является неделимым»⁴². Он перенял убеждение Аристотеля о непрерывной структуре материи. Это различие взглядов оказало значительное влияние на многие части физических наук. Мутазилиты признавали существование границ материи и верили в существование вакуума, отрицаемое Аристотелем. В отличие от мутазилитов, аль-Кинди считал, что материя имеет бесконечную и непрерывную структуру, но имеющую пространственный предел. По утверждению аль-Кинди, которое

он детально истолковал в отдельном трактате, вселенная имеет конечные размеры⁴³. Своими границами вселенная разделяет нематериальный верхний мир духовных созданий.

Сразу после вступительного слова трактата «О единственности Аллаха и о конечности вселенной»⁴⁴, аль-Кинди изложил шесть основополагающих суждений, которые можно постичь рациональным путем «без посредничества» (гайр мутавассит). Аль-Кинди, очевидно, имел в виду те суждения, «которые нельзя доказать силлогистическим путем, используя промежуточные термины»⁴⁵. Суждения этого рода содержат знание, которое невозможно доказать (анаподейктос), то есть истину, которая достигается априори (ильм аввал, ильм бадихи). Приводя пример суждения, содержащего первичное знание, аль-Кинди утверждает, что если соединить два тела, имеющих конечные размеры, вместе, то новое тело будет также конечным. Невозможно, однако, отделить некую конечную часть от тела, которое считается бесконечным. Это доказывает, что телесный мир имеет конечные границы. Таким же образом аль-Кинди доказал, что время конечно. Невозможно прожить некоторое количество времени и предположить, что оставшееся время безгранично и бесконечно⁴⁶. Подобно этому аль-Кинди доказал, что мир не может быть вечным и что он создан во времени (мухдас)⁴⁷.

Доказательства аль-Кинди уходят своими корнями в позднюю школу Александрии. Иоанн Филопон (арабский Йахйя аль-Нахви) использовал их в своем опровержении «О бесконечности мира против Проклуса»⁴⁸. Он написал свою книгу в 529 году, выступая против неоплатонического философа Проклуса⁴⁹. Она была переведена на арабский язык⁵⁰, благодаря чему аль-Кинди смог воспользо-

ваться некоторыми философскими доводами, которые были популярны у христианских философов Александрии эпохи позднего эллинизма. Этот было подтверждено недавно найденным текстом Иоанна Филопона в раннем арабском переводе⁵¹. Большое влияние на взгляды аль-Кинди оказал также и Прокл. Идеи его трактата «Первоосновы теологии» (*Institutio theologica*) можно проследить в практически неизменном виде в работе аль-Кинди «О первой философии»⁵². Они подтверждают попытки аль-Кинди согласовать системы Аристотеля и неоплатоников с религиозной средой ислама.

Тяготение аль-Кинди к философии Аристотеля, отмеченное ранее в его трактате «Об определениях и описаниях вещей», наиболее четко прослеживается в его работе «О первой философии». При написании этого трактата аль-Кинди очень часто цитировал «Метафизику» Аристотеля⁵³. Однако, по всей видимости, предмет изучения аль-Кинди отличался от текста, распространенного в наши дни. Книга «Альфа Элаттон», якобы написанная Пасиклом Родосским, племянником Эвдема, была, по-видимому, утеряна, но затем упоминается в изложении «Метафизики» Аристотеля Абд аль-Латиф Ибн Йусуфом аль-Багдади⁵⁴ задолго до его нового появления⁵⁵. Хотя аль-Кинди тщательно разработал многие идеи, заимствованные из «Метафизики» Аристотеля, его трактат «О первой философии» нельзя рассматривать лишь как обычное изложение этой работы. В своей работе он также основывается на других произведениях Аристотеля. Во многих концепциях аль-Кинди нашли отражение идеи, высказанные Аристотелем и в других его трудах, наиболее цитируемые из которых – «Физика», «О душе», «Категории»⁵⁶. Резюмируя «Метафизику» Аристотеля, аль-Кинди дополнил

свой трактат «О первой философии» и другими произведениями Аристотеля.

Познание истинной природы вещей, наиважнейшая цель философии, не было ограничено лишь миром чувств. Для аль-Кинди философия подразумевала также познание божественности⁵⁷. Это привело к слиянию физики и метафизики, науки и теологии. Для последующих поколений верующих это смешение стало оскорбительным. Правоверные обвинили философов в предпочтении разумных размышлений почитаемым традициям и в установлении религиозных догматов путем умозаключения, а не традиций⁵⁸. Таким образом, философия аль-Кинди, а в особенности его естественная теология, уже содержали ростки будущего конфликта между ортодоксальными верующими и рационалистами. Свободно заниматься философией он мог лишь благодаря защите халифа аль-Му'тасима.

Аль-Кинди не скрывал, что был многим обязан ранним философам и мыслителям других стран, принимал любую истину «откуда бы она не исходила»⁵⁹. Для него истина философа не отличается от истины правоверного мусульманина. Философия и теология преследовали одну цель: знание о Единственном, о Боге. Адаптация философии в исламском обществе проходила гораздо безболезненнее благодаря трудам поздней греческой философии. Среди подобных работ для аль-Кинди интерес представляла так называемая «Теология». Неверно приписываемая Аристотелю, «Теология» была в девятнадцатом веке идентифицирована как пересказ Порфирием «Эннеад» Плотинуса, 4-6⁶⁰. Имея все эти тексты в своем распоряжении, аль-Кинди разработал философию, которая стала искусным инструментом для поддержки с помощью рациональных идей веры мусульман, осно-

ванной на откровении и традиции, что позволило создать гармонию раз-
многого и божественного.

Несмотря на эту видимую гармонию, язык аль-Кинди отличается от языка Корана. Вместо употребления имени «Аллах», привычного названия Бога в Коране и даже в литературе кала-ма, аль-Кинди использует «аль-Бари» (Создатель) или «аль-Иллат аль-Ула» (Первопричина). Первое имя лишь однажды упоминается в Коране⁶¹; последнее же естественно полностью отсутствует в Коране и в священных писаниях, поскольку правоверным отрицается идея многобожия, когда Всемогущий является первым из ряда причин, исходящих от Него. Бог для верующего является единственной причиной, Создателем всего сущего. Аль-Кинди обозначал создание из небытия словом ибда, которое заменило халк, используемое в Коране, вместо слова джирм было использовано джисм, и так далее. Языковой выбор аль-Кинди создает впечатление, что он намеренно избегает совпадений с соответствующими выражениями в Коране, разделяя язык разума от неповторимого языка Корана.

«Первая философия» означает познание Всевышнего. Поскольку всякая вещь является результатом предшествующего и причиной последующего, Всевышний является единственной истиной. Мир, исходящий в конечном итоге из Первой причины, зависим и связан с Всевышним, но отделим от него будучи не безграничным во времени и пространстве. Единственность Первопричины противопоставляется множественности созданного мира: у каждой вещи есть пять прогнозируемых критериев: род, вид, различие, принадлежность и случайность. Модели существования объясняются категориями. Аль-Кинди полностью созвучен с догматами ислама, утверждая, что мир был создан из пустоты и

был создан во времени, возникнув из небытия. Это не только его религиозное убеждение, но и твердое убеждение как философа.

Кроме метафизики аль-Кинди интересовался также математикой и естественными науками. Его попытки изучить весь энциклопедический спектр наук говорят о том, что он был истинным последователем Аристотеля, а в своей особой любви к математике даже превзошел его. Аль-Кинди написал трактат под названием «Философией можно овладеть лишь с помощью знания математики»⁶². Его склонность к математике акцентируется также и в трактате «Об определениях и описаниях вещей». Многие из определений выражены двумя способами: физически (мин джихат ат-таб') и математически (мин джихат ат-та'лим)⁶³. Он также смог стать значимым авторитетным учителем в области математических вычислений. Два его знаменитых ученика, Джафар Ибн Мухаммад Ибн Умар аль-Балхи (называемый в средневековой латинской литературе Альбумасаром)⁶⁴ и Абу-л-Аббас Ахмад Ибн ат-Тайиб ас-Сарахси⁶⁵, продолжили и расширили математические исследования своего учителя⁶⁶. Сильное увлечение аль-Кинди математикой, возможно, оказало влияние на так называемое Братство чистоты, существовавшее в конце четвертого/десятих веков. Уделяя внимание практическому применению науки, аль-Кинди разработал систему вычисления эффективности лекарственных препаратов. Это стало необходимым в связи с развитием более сложных лекарств. Первым врачом, зафиксировавшим применение сложных медикаментов, был Абу-л-Хакам из Дамаска⁶⁷. Для того чтобы достичь необходимого эффекта, фармацевту необходимо было вычислить верную пропорцию ингредиентов лекарства. Аль-Кинди предложил деле-

ние лекарственных ингредиентов на степени в зависимости от интенсивности их лечебных свойств⁶⁸. Он является также автором многих трактатов и брошюр по вопросам медицины и фармацевтики⁶⁹.

В одном из таких медицинских трактатов, найденном не так давно, аль-Кинди снова связывает медицину с математикой и выводит правило предварительного расчета критических дней в протекании болезни.⁷⁰ Считалось, что Луна, как самая быстро движущаяся планета на небесном своде, оказывает влияние на острые заболевания. В определенные дни месячного лунного цикла течение болезни менялось в лучшую или худшую сторону. Эта теория была изложена Галеном и получила дальнейшее развитие у аль-Кинди.

Математическая любознательность аль-Кинди не останавливалась даже перед Священным писанием. Его перу принадлежит трактат «О продолжительности срока правления арабов»⁷¹, где все его расчеты были основаны на буквах, с которых начинались двадцать девять глав Корана. Они образуют четырнадцать таинственных слов, содержащих четырнадцать из двадцати восьми возможных букв арабского алфавита. Соединив числовые значения каждого из этих букв, при этом повторяющиеся буквы сосчитав лишь единожды, можно получить примерное количество лет арабского халифата до завоевания Багдада Монголами в 656/1258 гг., после чего «арабское господство было утрачено навсегда»⁷².

Принято считать, что философия аль-Кинди находится в согласии с мусульманским мировоззрением. Это подтверждается, например, тем фактом, что аль-Кинди говорит о создании мира из небытия. Однако не следует забывать, что в своем трактате «Об определениях и описаниях вещей» аль-Кинди упоминает о су-

ществовании Горнего мира, который находится над сотворенным миром. Это несовместимо с принципами мусульманского вероисповедания. То же относится и к теории перманентной эманации, которая противоречит религиозному догмату о том, что мир был создан в одно мгновение по велению Бога.

Сложно, если вообще возможно, составить суждение об авторе, от которого до наших времен дошла лишь очень малая часть его литературного наследия. Тем не менее, сохранившиеся трактаты, а также библиографический список Ибн ан-Надима, в котором перечислены названия работ аль-Кинди, позволяет нам в общих чертах оценить аль-Кинди как философа и ученого. Составляя подобную оценку, следует не забывать о том, что у аль-Кинди не было защитников среди его соотечественников. Конечно, помимо аль-Кинди в то время жили и другие ученые, интересовавшиеся научными переводами или переводившие их сами, например, сыновья Мусы Ибн Шакира, Хунайн Ибн Исхак, Сабит Ибн Курах и Умар Ибн аль-Фаррухан, как сообщает нам Абу Машар.⁷³ Но аль-Кинди был первым, кто смог систематически перевести греческую литературу из иностранных литературных источников и ввести ее в среду исламского общества, где философия воспринималась холодно и даже враждебно. В течение некоторого периода своей жизни он пользовался покровительством халифа. Но, как и у многих последующих философов, у него не было права академического преподавания, поскольку не было официального разрешения на преподавание философии. Он не вступал в противоречие с ортодоксальными верующими или мутакаллимами благодаря особому языковому выбору. Помимо метафизики, он занимался исследованием практически всех ес-

тественных и математических наук.

Благодаря переводам на латинский язык, аль-Кинди оказал влияние на средневековых европейских философов. Они смогли познакомиться с работами практически всего спектра литературного наследия, особенно с произведениями в области естественных наук и математики⁷⁴. Жерар из Кремоны⁷⁵ и Аведеат⁷⁶ перевели несколько научных трудов аль-Кинди, среди них трактат «Об оптике» (*De aspectibus*), который затем был использован Роджером Бэконом⁷⁷, изучавшим скорость света⁷⁸. Жерар из Кремоны перевел также работы «О степенях (сложных лекарственных препаратов)», «О сне и видении», а также «О пяти сущностях» (*De quique essentiis*)⁷⁹, цитаты из которых Роджер

Бэкон привел в своей работе «Природа и размножение света или видов»⁸⁰. Трактат «*De quinque essentiis*» стал одним из основных источников знаний о философе аль-Кинди, пока Абу Рида не издал в 1950 году подборку из четырнадцати трактатов, в основном на философские темы. Кроме этих работ, из средневековых вторичных источников до нас дошли лишь фрагменты других произведений аль-Кинди. К примеру, историк аль-Мас'уди⁸¹ цитировал трактат аль-Кинди в своем труде «Мурудж аз-зухаб»⁸², в котором он отрицал возможность производства золота и серебра искусственным путем. Абу Бакр Мухаммад Ибн Закарийя ар-Рази⁸³ написал опровержение этого труда⁸⁴.

Примечания:

1. 186/801-252/866 гг.

2. Умер 235/849 гг.

3. Умер между 220/835 и 230/845 гг.

4. 260/873-324/935 гг.

5. Ritter, H. *Die dogmatischen Lehren der Anhänger des Islam von Abū 'l-Hasan 'Alī ibn Ismā'il al Ash'arī* (Leipzig, 1929-39), 486.

6. Умер 429/1037 г.

7. Laoust, H. *Les Schismes dans l'Islam* (Paris, 1965), 103.

8. Corbin, H. *Histoire de la philosophie islamique* (Paris, 1964), 219; Ivory, A.L. *Al-Kindī's Metaphysics: a Translation of Ya'qub al-Kindī's Treatise "On First Philosophy" (fī al-Falsafah al-Ūlā) with Introduction and Commentary* (Albany, 1974), 22ff.

9. Умер 380/990 г.

10. 232/847-247/861 гг.

11. 732/1332-808/1406 гг.

12. Ibn Khaldun *The Muqaddimah: an Introduction to History*, trans. F. Rosenthal, 3 vols (New York, 1958), 2:219.

13. Умер 375/985 г.

14. Wiedemann, E. *Aufsätze zur arabischen Wissenschaftsgeschichte*, 2 vols (reprint) (Hildesheim, 1970), 2: 562f.

15. Умер 339/950 г.

16. Умер 218/833 г.

17. Умер 227/842 г.

18. 192/808-260/873 г.

19. Астат/Евстатиус перевел «Метафизику» Аристотеля; Абд аль-Масих Ибн На'има перевел пересказанный Порфирием «Эннеады» Плотинуса, 4-6, известного как «Теология» Аристотеля (см.: Brockelmann, C. *Geschichte der arabischen Litteratur* (Leiden, 1937), Suppl. 1:364), а Йахйя Ибн аль-Битрик перевел работы Аристотеля «О небе», «О душе», «Тимей» Платона, возможно также работы Прокла, например изложение *ezo Institutio theologica* (см. Endress, G. *Proclus Arabus: Zwanzig Abschnitte aus der Institutio Theologica in arabischer Übersetzung* (Beirut, 1973) *passim*).

20. Walzer, R. *Greek into Arabic* (Oxford, 1963): 14.

21. Ср. например Abu Ridah, M.A. *Rasā'il al-Kindī al-falsafiyyah* (Cairo, 1950): 260.8; Rosenthal, F. "al-Kindi and Ptolemy", in *Studi orientalistici in onore di Giorgio Levi della Vida*, 2 vols (Rome, 1956), 2: 445.

22. Walzer, R. *Bulletin of the John Rylands Library* (1945) 29: 20f.; Ess, J. *van Die Erkenntnislebre des Aduddin al-Ici: Übersetzung und Kommentar des ersten Buches seiner Mawaqif* (Wiesbaden, 1966): 235.
23. Abu Ridah, указ. соч.: 103; Gutas, D. *Greek Wisdom Literature in Arabic Translation: a Study of the Graeco-Arabic Gnomologia* (New Haven, 1975): 196, № 69.
24. *Фи худуд ал-ашийа ' ва-русумиха у Abu Ridah*, указ. соч.: 165-80.
25. Klein-Franke "al-Kindi's On Definitions and Descriptions of Things", *Le Muséon: Revue des Etudes Orientales*, 95: 191-216.
26. Ханп. Abu Ridah, указ. соч.: 207, 1. 11; Rosenthal F. "Aš-Šaiḥ al-Yunani and the Arabic Plotinus Source", *Orientalia, Commentarii Periodici Pontificii Instituti Biblici*, 21: 474; Plotinus Opera, 2, *Enneades 4-6*, ed. P. Henry and H.-R. Schwyzer (Paris, 1959): 275; Plotinus apud Arabes: *Theologia Aristotelis et fragmenta quae supersunt*, ed. 'A. Badawī (Cairo, 1955): 184.
27. Plotinus *Enneades 6*, ed. and trans. E. Bréhier (Paris): 8. 18.
28. Walzer, R. *Greek into Arabic*: 189; Endress, G., указ. соч.: 231.
29. Умер 313/925 г.
30. Ibn Khaldun, указ. соч. 3: 250.
31. Abu Ridah, указ. соч.: 160, 1. 6; Walzer, R. *Greek into Arabic*: 188.
32. Abu Ridah, указ. соч.
33. Там же: 205-70.
34. Plotinus Opera, 2, *Enneades 4-6*: 324, = *Enn.*, 5.3. (49), 14.6: *kai légomen hó mé estin hó dé estin oû légomen*.
35. Сунра прил. 11; см. Zintzen, C. "Bemerkungen zum Aufstieg der Seele in Jamblichs *De Mysteriori*", in *Platonismus und Christentum: Festschrift für Heinrich Dörrie*, ed. H. D. Blume and F. Mann [*Jahrbuch für Antike und Christentum*] (Münster): 312-28, особ. 314.
36. Ibn Khaldun, указ. соч., 1: 195.
37. См. комментарии неоплатонического философа Симплиция (первая половина шестого века) к работе Аристотеля «О небе» 277b10, у *Simplicius De caelo*, ed. I. L. Heiberg, in *Commentaria in Aristotelem Graeca*, 7 (Berlin): 269.31.
38. Irvy, A. L., указ. соч.: 56, 1, 6.
39. Там же: 59, 1, 3.
40. Walzer, R. "The Rise of Islamic Philosophy", *Oriens*: 9.
41. Irvy, A. L., указ. соч.: 27ff.
42. Ibn al-Nadīm *Kitāb al-fihrist*, ed. G. Flügel (Leipzig, 1871): 259, 1. 19.
43. Abu Ridah, указ. соч.: 201. 7.
44. Там же: 202, 1. 4.
45. Aristotle *Aristotelis Opera*, ed. I. Bekker (Berlin, 1831): *Analytica Priora* 72b19: *ámesos = għayr mutawassit*, см.: Böhm, W. *Johannes Philoponos Grammatikos von Alexandrien* (Munich, 1967): 67.
46. Abu Ridah, указ. соч.: 205 предпосл.
47. Там же: 207, 1. 1.
48. Philoponus *De aeternitate mundi contra Proclum*, ed. H. Rabe (Leipzig, 1899).
49. 412-85. Этот год был отмечен еще двумя событиями: Римский император Юстиниан закрыл философскую школу в Афинах (см.: Gibbon, H. указ. соч., глава 40), а Св. Бенедикт основал религиозный орден, названный его именем.
50. Ибн Аби Усайбийя (ум. 668/1270), см.: Ibn Abī Usaybi'ah 'Uyun al-anbā' fī tabaqāt al-atibbā' (Cairo and Königsberg, 1882/4), 1: 105, 1. 5.
51. Pines, S. (Cambridge, Mass., 1972) "An Arabic Summary of Lost Work of John Philoponos", *Israel oriental Studies*, 2, 1972: 320-52.
52. Особенно в отношении к пр. 1-3 и пр. 5: Endress, G., указ. соч.: 242ff.
53. Irvy, A. L., указ. соч.: 205-7.
54. 557/1162-629/1231 гг.
55. Neuwirth, A. "Neue Materialien zur arabischen Tradition der beiden ersten Metaphysik-Bücher", *Die Welt des Islams*, 1977/8, n.s. 17: 84-100.
56. Irvy, A. L., указ. соч.: 205-7.
57. Abu Ridah, указ. соч.: 104, 1. 5.
58. Ibn Khaldun, указ. соч., 3: 347.
59. Abu Ridah, указ. соч.: 103, 1. 4. Это напоминает фразу Плиния: «Мы сметены умами Греции», *Pliny Natural History, with English trans.*, 10 vols, vol 8 by W. H. S. Jones (Cambridge, Mass., 1963), 8: 188f.
60. Steinschneider, M. *Die arabischen Übersetzungen aus dem Griechischen* (Graz) (repr.) [*Beihefte zum Centralblatt für Bibliothekswesen*, 12, 1983] (1960): 77.
61. Сунра 59 (аль-Хауф): 24.
62. Ibn al-Nadīm, указ. соч.: 255.

63. Klein-Franke al-Kindi's *On Definitions*...: 194.
64. Умер 272/886 г.
65. Умер 286/899 г.
66. Rosenthal, F. Ahmad B. *At-Tayyib As-Sarabsi* (New Haven, 1943): 17.
67. Вторая половина первого/седьмого веков: см.: Klein-Franke *Vorlesungen über die Medizin im Islam*, *Sudhoffs Archiv: Zeitschrift für Wissenschaftsgeschichte*, Beiheft 23 (Wiesbaden, 1982): 35.
68. Harig, G. *Bestimmung der Intensität im medizinischen System Galens* (Berlin, 1974): 148 u 200.
69. Sezgin, F. *Geschichte des arabischen Schrifttums*, 3 (Leiden, 1970): 244-7.
70. Klein-Franke *Die Ursachen der Krisen bei akuten Krankheiten: Eine wiederentdeckte Schrift al-Kindi's Israel Oriental Studies* (Tel Aviv, 1975): 161-88.
71. Loth, O. "al-Kindi als Astrolog", in *Morgenlandische Forschungen: Festschrift für H.L. Fleischer* (Leipzig, 1875) (repr. 1981): 261-309.
72. Hitti, Ph. K. *History of the Arabs* (London, 1958): 484; Rosenthal, F., указ. соч.: 122; Plessner, M. "Picatrix": *Das Ziel des Weisen von Pseudo-Magriti* (London, 1962): 184f; Nöldeke, Th. *Geschichte des Qurans* (Leipzig, 1919), часть 2: 68-78.
73. Ibn Abi Usaybi'ah, указ. соч., 1: 207; Wiedemann, E. *Aufsätze zur arabischen Wissenschaftsgeschichte*, 2 vols (reprint) (Hildesheim, 1970), 2: 551.
74. Thorndike, L. and Kibre P. *A Catalogue of Incipits of Mediaeval Scientific Writings in Latin* (London, 1963), col. 1731 et passim.
75. 1114-87 гг.
76. Первая половина шестого/двенадцатого века: см.: Alvernay, M. T. d' "Avendauth", in *Homenaje a Millás-Valllicrosa* (Barcelona, 1954); 1: 19-43.
77. с 1214 по 1292 гг.
78. Grant, E. *A Source Book on Mediaeval Science* (Cambridge, Mass., 1974): 396.
79. Там же, 494.
80. Nagy, A. "Die philosophischen Abhandlungen des Ja'qub Ben Ishaq Al-Kindi", *Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters*, 2(5) (Münster, 1897).
81. Умер 345/956 г.
82. al-Mas'udi *Les Prairies d'Or*, ed. B. de Meynard and P. de Courteille, revue et corrigée par C. Pellat, *Publications de l'Université Libanaise: Section des Etudes Historiques XI* (Beirut, 1974), 5: 159f.
83. Умер 313/915 г.
84. Ibn Abi Usaybi'ah, указ. соч., 1: 316, 1. 12; Ranking, S. A. "The Life and Work of Rhazes", *Acts of the XVII. International Congress of Medicine* (London, 1913): 249, № 40: "Responsio ad Philosophum el-Kendi eo quod artem al-Chiciae in impossibili posuerit"; Wiedemann, E. Указ. соч.: 1: 51ff.